

Бухуров Мухамед Фуадович

К ТИПОЛОГИИ ОБРАЗА НАРТА ШАУЕЯ В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

При изучении адыгского героического эпоса отдельные фольклористы упоминают и образ Шауея. Однако исчерпывающей характеристики этого персонажа до настоящего времени нет. Данная статья - первое отдельное исследование, в котором делается попытка объективного анализа образа нарта Шауея во всей полноте. Образ названного героя и связанные с ним мотивы рассматриваются в контексте вопросов их генезиса и эволюции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 9(63): в 3-х ч. Ч. 3. С. 12-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/9-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

6. **Корман Б. О.** Жанр и композиция литературного произведения. Калининград: Изд-во КГУ, 1976. 168 с.
7. **Логман Ю. М.** Анализ поэтического текста. Л.: Просвещение, 1972. 272 с.
8. **Поспелов Г. Н.** Теория литературы. М.: Высшая школа, 1978. 351 с.
9. **Сергуnenков Б. Н.** Тысячелистник: повести. Л.: Сов. писатель, 1986. 304 с.
10. **Тынянов Ю. Н.** Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
11. **Фоменко И. В.** Лирический цикл: становление жанра, поэтика. Тверь: ТГУ, 1992. 125 с.

MINIATURE GENRE IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE XX CENTURY

Baimieva Vera Yur'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
 vera.baimieva@mail.ru

The article examines certain peculiarities of miniature genre and concludes that miniatures integrate the lyrical and epic elements. The paper traces I. S. Turgenev's and I. A. Bunin's traditions in the miniatures of the subsequent decades, analyzes the various forms to express author's consciousness which predetermine the difference of spatio-temporal coordinates. The researcher addresses the miniature cyclization problem and concludes that a miniature is an element of certain integrity and exists autonomously.

Key words and phrases: miniature genre; poems in prose; lyrical prose; author's functions in the miniature; miniature cyclization.

УДК 398.22

При изучении адыгского героического эпоса отдельные фольклористы упоминают и образ Шауея. Однако исчерпывающей характеристики этого персонажа до настоящего времени нет. Данная статья – первое отдельное исследование, в котором делается попытка объективного анализа образа нарта Шауея во всей полноте. Образ названного героя и связанные с ним мотивы рассматриваются в контексте вопросов их генезиса и эволюции.

Ключевые слова и фразы: Шауей; образ; «низкий» герой; адыгский этикет; предварительная недооценка; мотив.

Бухуров Мухамед Фуадович, к. филол. н.
Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
 mbf72@mail.ru

К ТИПОЛОГИИ ОБРАЗА НАРТА ШАУЕЯ В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Образ нарта Шауея занимает весьма важное место в адыгском героическом эпосе. Между тем, специальных работ, посвященных циклу об этом богатыре, в адыгской фольклористике нет. Имеются лишь отдельные статьи, параграфы в монографиях, предисловия к сборникам, комментарии к текстам, которые хотя и содержат ряд ценных наблюдений, носят обзорный характер. В данном случае следует упомянуть труды М. Е. Талпы [18], А. Т. Шортанова [20], А. М. Гадагатля [5], Ш. Х. Хуты [19], А. И. Алиевой [1], А. М. Гутова [6], М. И. Мижаява и М. М. Паштовой [9], М. Ф. Бухурова [4] и др., где рассмотрены некоторые вопросы о жанровой специфике названного цикла.

Следует обратить внимание и на то, что до сих пор нет единого мнения о жанровой принадлежности и о времени формирования указанного цикла. Например, А. И. Алиева [1], обращая внимание на преобладающую в сказаниях о Шауее сказочную поэтику, не включает его образ в число центральных персонажей нартского эпоса. Ш. Х. Хут отмечает близость этих сказаний с волшебными сказками, но, по его мнению, в них доминирующими являются жанровые признаки героического эпоса, при этом он усматривает в цикле мотивы архаического происхождения и на этом основании считает образ Шауея древним [19, с. 59-65]. А. М. Гутов, придерживаясь суждения С. Ю. Неклюдова [14], относит большинство сказаний об этом персонаже «к позднейшим сказкам об эпических богатырях», которые рассматриваются как завершающая ступень эволюции эпоса [6, с. 17-18].

Как показывает сравнительно-типологический анализ нашего материала, в образе Шауея обнаруживаются черты, являющиеся общими для всех богатырей нартского эпоса. Однако он имеет и свои особенности. Это выражается сочетанием в его образе архаических элементов с мотивами более позднего происхождения.

Так, например, как и в образах многих центральных персонажей нартского эпоса, значительную роль в характеристике Шауея играет мотив чудесного рождения героя. Известно, что этот мотив относится к числу наиболее древних и имеет множество форм конкретной объективации, которые в свою очередь основаны на мифологических представлениях о партеногенезе, тотемизме, анимизме и т.д.

В образе Шауея отражен один из самых распространенных в мировом фольклоре мотивов – рождение от брачной связи человека с мифическим существом: отец Шауея Канж (в вариантах – Куаго) женится на великанше (в вариантах – на дочери женщины-*мезитль* (лесной человек) [11, с. 13-17]), и от этой связи рождается Шауей [Там же, с. 17-23]. Это дает основание причислить его образ к типу чудеснорожденных богатырей, получившему широкую популярность не только в героическом эпосе, но и в некоторых разновидностях сказки многих народов.

С представлениями древних людей связано также появление в фольклоре героя, у которого смерть заключена в определенном месте (иногда не в теле, в потаенном месте (см. «Смерть Кашея в яйце» [17, с. 107-108])). В рассматриваемом нами образе мотив неуязвимости несколько затемнен, и во многих сказаниях он связан с сюжетом о его рождении: только что родившийся Шауей падает в огонь, но вместо того чтобы сгореть, он забавляется горящими угольками [11, с. 23-29, 39-43]. Этим обстоятельством объясняется его неуязвимость. Данный мотив более отчетливо отражен в образах других персонажей нартского эпоса и чаще всего встречается в сказаниях о гибели того или иного богатыря, где этому событию посвящен самостоятельный сюжет. Как правило, в подобных случаях нарты выведывают у матери (в вариантах – воспитательницы, коня или у самого богатыря) уязвимое место героя и убивают его [10, с. 192-194; 12, с. 354-362, 372]. В отличие от них, в сказаниях о Шауее сюжет, повествующий о его смерти, вообще отсутствует, поэтому образ как бы «не нуждается» в мотиве неуязвимости. Тем не менее, в создании образа он выполняет весьма значительную функцию: мотив указывает на то, что Шауей обладает чудесными способностями, и тем самым он, как и Сосруко, Батраз, Ашамез, Бадиноко и др., выделяется из общей среды. Другими словами, в образе Шауея воплощены мотивы, основанные на мифологических воззрениях древних людей, однако их основная цель заключена не в передаче каких-нибудь представлений, существовавших в ту самую древнюю эпоху, а в идеализации образа Шауея. Как отмечал В. М. Жирмунский, «народное воображение, стремившееся к поэтической идеализации образа эпического героя, охотно пользовалось для этой цели традиционными сказочными мотивами, основанными на мифологических представлениях и верованиях более древней эпохи, но утраченных с развитием общества свое первоначальное мифологическое содержание» [7, с. 163].

Такую же функцию в образе Шауея выполняет и мотив быстрого роста героя, который, по мнению большинства специалистов, базируется на представлениях о реинкарнации. По этому поводу В. Я. Пропп писал: «Некогда верили, что родившийся человек – не новый, никогда не живший человек, он только новое воплощение ранее умершего человека. Рождение есть возвращение к жизни умершего, обычно – предка» [15, с. 214]. По его мнению, «мотив быстрого роста создан из мотива рождения героя-избавителя. Он рождается в момент беды и сразу же берется за дело освобождения. Он рождается взрослым, потому что он – взрослый, вернувшийся с того света. Но так как женщина не может родить взрослого, появляется мотив превращения ребенка во взрослого, которое в сказке представляется как необычайно быстрый рост» [Там же, с. 240].

В образе Шауея встречается одна из распространенных в мировом фольклоре форм воплощения этого мотива: он начинает ходить сразу после рождения:

«<...> *Къанж мыл зэхуакум къыдэкъыжауэ къыцыкгуэжым, зэлъэкъыжри илъэгъуащ къальхуагъацIгъу яхъа сабий цIынэр къэтэджауэ “Ыи, Ыи! Шу!” – жиIгъурэ мълым къытетIыхъха бгъэжсхэр игъацтэу*» [11, с. 32] / *Возвращаясь с ледяных гор, Канж обернулся и увидел: только что родившийся ребенок, которого отнесли <в ледяную гору>, встал и со словами «Ии!» «Ии!» «Шу!» начал гонять орлов, севших на лед* (здесь и далее перевод наш – М. Б.).

С целью создания идеального образа этого эпического богатыря использованы также некоторые черты так называемого «низкого» героя. Как было отмечено Е. М. Мелетинским, персонаж этого типа «занимает низкое социальное положение, плохо одет, презираем окружающими, на вид ленив и простоват» [8, с. 213]. Здесь, на первый взгляд, можно увидеть связь с более поздним по происхождению мотивом социального неравенства. Однако, по справедливому замечанию ученого, в образе названного типа отражен «процесс разложения первобытнообщинного строя, патриархального уклада, переход от рода к семье» [Там же, с. 8], и это указывает на то, что образ «низкого» героя имеет древнюю основу. Например, как известно, в эпоху матриархата счет родства устанавливался по материнской линии, и на основании этого в фольклоре, как можно предположить, появляется герой – сын одинокой женщины. Однако в патриархальном обществе подобный герой испытывает социальное унижение, потому что у него нет родственников по отцовской линии, поэтому во многих сказках и «старших» циклах нартского эпоса он превращается в «сына бедной вдовы».

В отличие от подобных персонажей, в рассматриваемом цикле отец Шауея не погибает, а принимает участие в воспитании сына [11, с. 24-27, 32-35], более того, в некоторых ситуациях он руководит им. В цикле достойное место занимает также образ деда Шауея Дебеча [13, с. 154-158]. В «старших» циклах нартского эпоса подобное явление не наблюдается, и в данном образе, как и в цикле о Шауее в целом, это можно рассматривать как элемент мотива явно позднего происхождения. В данном случае прослеживаются признаки семейной организации адыгов средневекового периода, где во главе семьи стоял старший из мужчин (дед, отец, старший брат и т.п.), и, по обычаю, все члены семьи должны были подчиняться ему. В сказании «Нарт Къэрэшьюей физ къызэришам и хъыбар» [Там же, с. 159-163] («Хабар о том, как женился Карашуей») Шауей придерживается таких принципов. Он, например, принимает гостя и оказывает ему гостеприимство, при этом следуя советам своего отца Куаго. Помимо этого, в самом образе воплощены черты рыцаря-наездника обозначенной эпохи, который всегда придерживался всех норм адыгского этикета. Как указано в вышеназванном сказании, Шауей является предводителем наездников, поэтому каждый раз ему приходится принимать участие в различных походах. Однажды он, отправившись в поход, узнает, что к нему едет гость. Шауей после этого, оставив свои дела, возвращается домой, готовится и принимает незнакомого гостя. Следуя обычаям гостеприимства, он приглашает его в *хачеш* (гостинный дом) и оказывает ему уважение: предоставляет ему почетное место (*жъантIэ*), в течение года каждый день режет для него гостевого барана (*хъэцIэныш*), угощает *махсымой* (крепкий хмельной напиток), обильной и вкусной едой, его коня кормит высококалорийным кормом, по его зову отправляется с ним в поход, выполняет все его поручения, без его согласия он не вступает в сражения с великанами, но в нужный момент оказывает ему помощь (благодаря ему гость побеждает великанов и мстит за кровь родственников) и т.д. При всем этом Шауей не стремится узнать его имени, откуда он

родом, куда и зачем едет, так как это по этикету наездников считалось неприличным. Шауей каждый раз призывает своих соратников не страшиться более сильного противника и не нападать всем вместе на одинокого невзрачного всадника, что еще раз свидетельствует о его мужестве и благородстве.

Подобными примерами насыщен весь цикл о Шауее, и это позволяет отнести формирование его образа, как и самого цикла, к раннефеодальной эпохе, и по всем названным признакам он соответствует фигурирующему в фольклоре средневековья так называемому «благородному герою», в образе которого не обнаруживаются какие-либо признаки низкого, неблагородного поведения. Однако в некоторых случаях он формально принимает облик «низкого» героя, для того, чтобы испытать своих соперников и невесту, и в этом отношении его образ сближается с образом героя волшебных и богатырских сказок, где для достижения своих целей он временно принимает черты «низкого» героя. Например, в восточнославянской волшебной сказке «царевич изгнан мачехой; по совету коня надевает рубище и на вопросы отвечает “не знаю”; поступает садовником к царю, царевна его примечает; тайно он трижды избавляет царя от врагов; о его подвигах узнают, и он женится на царевне» [17, с. 153].

Так, согласно сказаниям о героических деяниях Шауея, он отправляется в поход и в пути встречает ехавших на нартское санопитие братьев Озырмеса и Озырмеджа. Шауей выглядит убогим, поэтому братья не хотят брать его с собой на пир и оставляют на развилке дорог (на вершине какого-то холма и т.п.). В сказании «Шауей, Сосрыкзуэ, Нэсрэн-Жыакэ сымэ я хыбар» («Хабар о Шауей, Сосруко, Насрэн-Жаче») он выглядит так:

«Шум и цлакIуэр гьуцIыфэт, и уанэр кIыгът, и шыр уэдт. “Мы хьэм хуэдэр дэ тцIыгъуу накIуэм ди напэр кьытрихакъэ”, – жиIац Сосрыкзуэ» [2] / Бурка на всаднике окрасом походила на цвет <ржавого> железа, седло его скрипело, конь его был исхудавшим. «Если это подобие пса пойдет с нами, то мы опозорены», – сказал Сосырыко.

Аналогично и в другой записи – «Сосрыкзуэ, Насрэн, Къанжэ и кьуэ Щэуей Нэрыбгейм и кьуэ закьуэ сымэ я хыбар» («Хабар о Сосырыко, Насырене, сыне Канжа Шауея, единственном сыне Нарибгей»):

«Къанжэ и кьуэ Шауейр шу фейцейт, мо санэхуафэ кIуэ зэшитIым я цхьэм хуагъэфэцакъым бэлэбанэр ягъусэну <...>» [3] / Сын Канжа Шауей выглядел убогим, поэтому братья считали ниже своего достоинства брать такого невзрачного с собой на санопитие <...>.

Шауей как «низкий» герой фигурирует и в сюжете о сватовстве. В сказании «Нат Шьэуае шыкьэфыжь зэрадэкIогъагър» («Как нат Шауай ездил возвращать похищенных лошадей») братья-нарты, испытав Шауея и убедившись в его силе, предлагают ему руку своей сестры и получают согласие. Однако они не знали, в какой день к ним придет Шауей, поэтому братья решают быть обходительными с каждым гостем. Сам Шауей переодевается в лохмотья и едет свататься. Шауей выглядит убогим, поэтому ему не оказывают достойного уважения: вопреки обычаю гостеприимства, ему предлагают кормиться объедками:

«Ежь цым тесэр шьое-цыеу фэпагъэу, кIо тэлгъаджэу зышIи, пьгъашгэм дэжь ихьагъ. “Тян, пIэстэкI’э Ианэрэ кьупшхьэ-лъапшхьэрэ кьэнэжьыгъэмэ мы тхьамыкI’эм кьетыри, егъэцх”, – ыIуагъ пьгъашгэм» [11, с. 86-89] / Сам всадник оделся в лохмотья, и таким образом притворившись нищим, зашел к девушке. «Мать наша, если остались недоеденные куски пасты и кости от мяса, дай этому бедняку, чтобы он поел», – сказала девушка.

Как видно из приведенных примеров, Шауей скрывает свои подлинные достоинства. Между тем он, как и другие герои этого типа, совершает подвиги: он проходит все испытания (его испытывают холодом, огнем и т.д.), добывает чудесных коней, мстит за кровь отца (братьев) своего гостя, сражается с мифическими существами иньжами (великанами), гигантским орлом и пр. Подобное явление в фольклоре, по мнению А. П. Скафтымова, следует назвать эффектами неожиданности и удивления, и по его справедливому замечанию, они «выносят на вершину внимания то, что произведение считает в себе наиболее значительным и основным» [16, с. 6]. Следовательно, в приведенных примерах мы опять-таки видим подчинение архаических элементов мотива предварительной недооценки героя художественным целям.

Исходя из всего сказанного, можно заключить следующее. В образе Шауея значительное место занимают архаические мотивы, основанные на мифологических представлениях древних людей, каковыми являются мотивы чудесного рождения, неуязвимости, быстрого роста, сватовства, а также некоторые черты «низкого героя», где отражены различные стадии развития человечества, начиная с эпохи матриархата. Нет сомнений в том, что эти мотивы оказали значительное влияние на формирование образа Шауея, но это не означает, что он возник в ту самую древнюю эпоху. О его позднем происхождении свидетельствуют доминирующие в образе признаки рыцаря-наездника раннефеодальной эпохи, и в этом отношении типологически он близок героям так называемых позднейших сказок об эпических богатырях и персонажам преданий – более позднего жанра адыгского фольклора. Что касается архаических мотивов, то здесь они использованы с художественной целью для идеализации этого богатыря, т.е. в образе Шауея, как и в цикле о нем в целом, мифологические представления и мотивы ассимилированы эстетическими принципами словесного искусства.

Список литературы

1. Алиева А. И. Адыгский нартский эпос. М. – Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1969. 168 с.
2. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (Архив КБИГИ). Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-н. Паспорт № 5.
3. Архив КБИГИ. Ф. 12. Оп. 1. Папка № 32-н. Паспорт № 8.
4. Бухуров М. Ф. Сюжетный состав сказаний цикла о Шауее в адыгском нартском эпосе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (60). Ч. 2. С. 10-13.
5. Гадагатль А. М. Героический эпос «Нарты» и его генезис. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1967. 423 с.

6. **Гутов А. М.** Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 208 с.
7. **Жирмунский В. М.** Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Издательство восточной литературы, 1960. 336 с.
8. **Мелетинский Е. М.** Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 264 с.
9. **Мижаев М. И., Паштова М. М.** Энциклопедия черкесской мифологии. Боги, герои, культы, представления. Майкоп: ИП Паштов З. В., 2012. 460 с.
10. **Нарты. Адыгский героический эпос** / отв. ред. В. М. Гацак. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. 415 с.
11. **Нарты. Адыгский эпос.** Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко / сост. и пер.: М. Ф. Бухуров, А. М. Гутов, З. М. Налоев, М. А. Табишев. 424 с.
12. **Нарты. Адыгский эпос.** Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1970. Т. 4 / сост. А. М. Гадагатль. 311 с.
13. **Нарты. Адыгский эпос.** Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1970. Т. 5 / сост. А. М. Гадагатль. 336 с.
14. **Неклюдов С. Ю.** Богатырская сказка. Тематический диапазон и сюжетная структура // Проблемы фольклора. М.: Наука, 1975. С. 82-88.
15. **Пропи В. Я.** Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 326 с.
16. **Скафтымов А. П.** Статьи о русской литературе. Саратов: Саратовское книжное издательство, 1958. 392 с.
17. **Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка** / отв. ред. К. В. Чистов. Л.: «Наука». Ленинградское отделение, 1979. 438 с.
18. **Талпа М. Е.** Комментарии и варианты // Кабардинский фольклор / общ. ред. Г. И. Бройдо. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2000. С. 573-618.
19. **Хут Ш. Х.** Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.
20. **Шортанов А. Т.** Нартский эпос адыгов // Нарты. Адыгский героический эпос / отв. ред. В. М. Гацак. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1974. С. 8-35.

ON THE TYPOLOGY OF THE IMAGE OF THE NART SHAUEI IN THE ADYGHE EPOS

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Ph. D. in Philology
Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies
mbf72@mail.ru

In the process of studying the Adyghe heroic epos some folklore specialists mention Shauei's image. However, there is no comprehensive description of this character even now. This article is the first separate study, which attempts to analyze the image of the nart Shauei objectively and entirely. The image of the mentioned character and the motives related to it are considered in the context of their genesis and evolution.

Key words and phrases: Shauei; image; "low" character; the Adyghe etiquette; preliminary underestimation; motive.

УДК 894. 612

Статья посвящена рассмотрению личности Абдуллахаджи из Чоха и его сборника «Хуласату л-мава'из», ранее неизвестного в научных кругах. Изучение сборника «Хуласату л-мава'из», в котором собраны и систематизированы произведения аварских дореволюционных ученых, начиная с периода Мухаммеда из Кудутли, который считается основоположником аварской дореволюционной литературы вплоть до начала 20-го века, в том числе и одно произведение самого составителя, на наш взгляд, является большим вкладом, внесенным в дагестанскую литературоведческую науку. В статье также уделяется внимание личности Абдуллахаджи из Чоха, его жизненному и творческому пути, о котором известно на сегодняшний день очень мало, тем не менее, он является одной из самых достойных фигур аварской интеллигенции рассматриваемого периода.

Ключевые слова и фразы: дореволюционная литература; культурная ориентация; книжная культура; развитие ислама; светская интеллигенция; освободительная борьба; анализы и суждения; художественное сознание.

Гаджилова Шанисат Магомедовна, к. филол. н.
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского научного центра Российской академии наук
shanisat05@yandex.ru

АБДУЛЛАХАДЖИ ИЗ ЧОХА И ЕГО СТАРОПЕЧАТНАЯ КНИГА «ХУЛАСАТУ Л-МАВА'ИЗ»

В истории развития дагестанской духовной литературы особое место занимает ученый-богослов, переводчик, видный религиозный деятель второй половины XIX – начала XX века Абдуллахаджи, сын Ахмада из Чоха. Село Чох (Гунибский район) – малая Родина Абдуллахаджи, которую прославили многие выходцы этого села. Многие, касающиеся истории этого села и его выходцев, уже известно, изучено. Что касается личности Абдуллахаджи, один из трудов которого в настоящей статье вводится в научный оборот впервые, то до сих пор не написана о нем ни одна работа, носящая научно-исследовательский характер,